

М. Ю. Давыдова

Волгоградский государственный технический университет,
г. Волгоград, Российская Федерация

Сектантские религиозно-реформационные учения в Саратовской губернии Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

Marina Yu. Davydova

Volgograd State Technical University,
Volgograd, Russian Federation

Sectarian Religious Reformation Teachings in the Saratov Gubernia of the Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Century

Аннотация

В статье рассмотрены особенности развития сектантства в Саратовской губернии в дореволюционный период. На основе опубликованных и неопубликованных архивных статистических материалов общероссийского и регионального характера (материалы Саратовского губернского статистического комитета, Государственный архив Саратовской области, Ф. 421) удалось выявить двукратное увеличение численности сектантов в регионе и обозначить территории сосредоточения отдельных учений. Привлеченные к исследованию делопроизводственные материалы Канцелярии Синода и Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий Министерства внутренних дел (Российский государственный исторический архив, фонды 796 и 821 соответственно), а также документы Канцелярии саратовского губернатора, Саратовского губернского правления, прокурора Саратовского окружного суда, Саратовской духовной консистории (Государственный архив Саратовской области, фонды 1, 2, 10 и 135 соответственно) позволили проследить эволюцию сектантства в рассматриваемый период. Сделан вывод о значительном разнообразии представленных сект (здесь получили распространение большинство известных в России и ряд специфических учений). Особенностью рас-

сматриваемого периода было появление и значительное распространение новых рационалистических сект: шундизма и баптизма, инкорпорировавших часть молокан и протестантов. Наряду с ними продолжали активную деятельность традиционные секты хлыстов, субботников и молокан. К тому же в конце XIX в. возникли новые локальные секты различной направленности, в том числе имевшие антимонархические и антигосударственные настроения. Их популярность свидетельствует о социальной нестабильности в регионе.

Abstract

The article aims to determine the features of sectarianism development in the Saratov gubernia (province) in the pre-revolutionary period. Drawing upon both published and archival materials from federal and local archives (i.e., materials of the Saratov Gubernial Statistical Committee from the State Archive of Saratov Region, fond 421), the author succeeds in evidentiating a two-fold increase in number of sectarians in the region and in identifying cluster areas of various teachings. Record-keeping materials of the Chancery of the Synod and those of the Department of Religious Affairs of Foreign Faiths of the Ministry of Internal Affairs (Russian State Historical Archive, fonds 796 and 821), as well as records of the Chancellery of the Saratov Governor, the Saratov gubernia government, the Prosecutor of the Saratov regional court, and the Saratov Theological Consistory (State Archive of Saratov Region, fonds 1, 2, 10 and 135) enable the author to trace the evolution of sectarianism in the studied period. Religious reformation movement was not a mass country-wide movement. Sectarians numbered about 0,3–0,4% of the population, different teachings having their cluster areas in the gubernia. Sectarian teachings were spreading not only among the Great Russian, but also among German and to a lesser degree Jewish population. The author concludes that there was a significant diversity of sects; most of the doctrines known in Russia, and even some peculiar ones, were abundant in the gubernia. The period is characterized by emergence of new rationalistic sects of Shtundists and Baptists that incorporated some of Molokans and Protestants. Alongside these, there continued traditional sects. Besides, in late 19th century there appeared new local sects of all kinds, including some tending to anti-monarchist and anti-government sentiment. Their popularity was indicative of social instability in the region.

Ключевые слова

Источники, архивы, сектантство, Саратовское Поволжье, Камышинский уезд, Царицынский уезд, Аткарский уезд, прыгуны, топуны, еноховцы, отреченцы.

Keywords

Sources, archives, Sectarianism, Saratov Volga region, Kamyshin uyezd, Tsaritsin uyezd, Atkarsk uyezd, Molokan Jumpers (Pryguny), Topuny, Enochians (Jenochowcy), Otrechency.

Гарантированные Конституцией Российской Федерации свобода совести и свобода веротерпимости способствовали возрождению религиозности россиян. Выросло число религиозных объединений традиционных и нетрадиционных для России конфессий. Одновременно был дан мощный импульс развитию религиозного сектантства, что связано с экономической нестабильностью, низким уровнем религиозного образования и стихийностью процесса религиозного возрождения.

Сектантство не новый для российской истории процесс. Вспомним, что религиозное мировоззрение являлось основой общественного сознания народов России в досоветский период. Однако мировосприятие многомиллионного народа не могло уложиться в рамки официального православия. Различные события религиозного, общественно-политического и социально-экономического характера побуждали общественную мысль к его реформированию и созданию новых религиозных учений. Это проявилось, в частности, в расколе Православной церкви в середине XVII в. и развитии старообрядчества. В русле религиозно-реформационного движения формировались также разнообразные мистические и рационалистические секты, отвергавшие всякую обрядность или сводившие ее к минимуму, выдвинувшие идею единения верующих с Богом и провозгласившие принцип всеобщего равенства и любви. Причем ряд сект (например, христовщина) брали свое начало в беспоповских организациях, отделяясь от них и вырабатывая новую идеологию. На русской православной основе создавались сектантские учения духовоборов и молокан, основой идеологии которых были искаженные в религиозном духе коммунистические идеи. Не лишены их были и сугубо протестантские секты штундистов и баптистов, получившие распространение первоначально среди немецкого, а в последующем и русского населения. В социальном плане деятельность и тех, и других была направлена на борьбу с усилением капиталистической эксплуатации, однако, в отличие от духовоборов и

молокан, штундисты и баптисты не пытались реализовать свои идеи на практике. Большинство существовавших в Российской империи сект признавалось «особо вредными в общественном отношении» и оставалось вне закона.

Саратовская губерния представляет интерес для исследователей сектантства. Окраинное положение Саратовского Поволжья, массовый приток различных оппозиционных государству и церкви элементов общества способствовали распространению здесь религиозно-реформационных учений.

Отметим, что состав населения Саратовской губернии отличался конфессиональным многообразием. В 1897 г. здесь наряду с доминирующим по численности православным и единоверческим населением (2 022 517 чел., 84% населения) проживали протестанты (134 959 чел., 5,6%), преимущественно лютеране, католики (34 702 чел., 1,4%), мусульмане (96 001 чел., 4%), иудеи (2 965 чел., 0,1%), буддисты, а также последователи различных направлений старообрядчества и сект (113 710 чел., 4,7%)¹.

Историография сектантства в Саратовской губернии малочисленна. Особый интерес представляют работы помещика, мирового судьи Аткарского уезда А. Н. Минха². Загравывая вопросы появления и развития в губернии старообрядчества и сектантства, автор рассмотрел деятельность хлыстов в Аткарском и штундистов в Саратовском уезде. В советской историографии можно выделить лишь монографию Н. М. Никольского «История русской церкви», изданную в 1931 г. в Москве, где представлена характеристика всех сект и содержатся фрагментарные данные о сектах, получивших развитие в Саратовской губернии.

Распространение сектантства в современной России стимулировало изучение его культурно-исторического наследия. В частности, активизировалось изучение специфики религиозно-реформационных движений в отдельных регионах. обстоятельный анализ участия представителей старого русского сектантства (молокан, субботников, хлыстов и скопцов) в хозяйственном освоении Нижней Волги, Дона и Заволжья в XVIII–XX вв. проведен О. Ю. Редькиной³.

Источниковой базой исследования является широкий круг опубликованных и неопубликованных архивных статистических материалов общероссийского (прежде всего, публикация данных

переписи 1897 г.) и регионального характера (документация Саратовского губернского статистического комитета, Государственный архив Саратовской области, Ф. 421). Данные источники содержат ежегодные отчеты о конфессиональном составе населения, количестве человек, «присоединившихся к православию и совратившихся в раскол», а также фрагментарные сведения о численности последователей различных направлений старообрядчества и сект. Исследование основано также на делопроизводственной документации центральных органов управления (Канцелярия Синода и Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий Министерства внутренних дел, Российский государственный исторический архив, Ф. 796 и 821 соответственно) и местных учреждений (Канцелярия саратовского губернатора, Саратовское губернское правление, прокурор Саратовского окружного суда, Саратовская духовная консистория; Ф. 1, 2, 10 и 135 ГАСО соответственно). Наряду с материалами губернской администрации значительный интерес представляют рапорты и отчеты отдельных чиновников, благочинных, священников, уездных и земских исправников, полицмейстеров и полицейских урядников в вышестоящие инстанции. Отличаясь широким разнообразием, они содержат сведения о распространении сект в отдельных местностях Саратовской губернии.

Всестороннее изучение развития сектантства в Саратовской губернии в дореволюционный период и составляет научную новизну исследования.

Одной из первых мистических сектантских организаций в России была христовщина, последователи которой именовались православным населением хлыстами. Основной догмат секты, провозглашавший возможность достижения такой степени совершенства, когда верующий становится «Христом», в последующем реформировался в учение о многократных воплощениях Христа лишь в избранных людях – руководителях общин. Принципы организации основывались на объединении хлыстов одной местности в общины («корабли») во главе с руководителями («христами», кормщиками). Существенными частями их «богослужений» были радения и пророчества.

По установленным автором данным, центром сосредоточения и распространения секты в губернии был Аткарский уезд. Зна-

чительное увеличение численности хлыстов последовало после отмены крепостного права. Известная под названием «голубчиков», данная секта с 1840–1850-х гг. существовала в с. Переезд. Здесь учение хлыстов было распространено крестьянином Иваном Яковлевым из Тамбовской губернии. Секта имела богатых и влиятельных руководителей: «кормщика» Степана Яковлева и «богородицу» – его мать Елену Васильеву. «Голубчики» считали Богом на земле некоего Аввакума Иванцова, проживавшего в с. Перевоз Тамбовской губернии. Сектанты называли себя «людьми Божьими» и с презрением относились к православным. По сведениям приходского священника, члены этой секты «живут с женами как с сестрами и детей гнушаются как скверны», не пьют спиртного, не едят мяса, рыбы, картофеля и лука; «наружно они богомольцы, посещают храм, с духовенством раболепны, таинства церкви принимают как бы с должным благоговением, но иное дело за глазами у духовенства: там они всячески стараются подорвать авторитет духовенства в глазах прихожан» и активно пропагандируют свое учение⁴.

Существование небольшой общины хлыстов (не более 20 чел.), возглавляемой Ф. Суковым, выявлено в с. Малой Дмитриевке. В 1870 г. хлысты появились в д. Киселевке (Алексеевке)⁵. Общие их собрания проводились в д. Радужной у Ф. Чекрышева. Дело об убийстве крестьянки Щецовой на одном из хлыстовских собраний, рассмотренное в 1871 г. Окружным судом, свидетельствует о распространении данного учения и на соседний Балашовский уезд⁶. В архивных материалах содержатся данные об образовании в 1890-х гг., в результате пропаганды крестьянина Самарской губернии В. Филиппова, общины хлыстов в д. Азраниной Петровского уезда, насчитывавшей до 20 чел.⁷

В конце века секта хлыстов действовала в Саратове. Здесь же было распространено учение скопцов. Все общины губернии были подчинены саратовскому «кораблю» купца Панова⁸. Идеология и организация скопцов была сходна с хлыстовской. Отличительными чертами являлись обязательное оскотление как лучшее средство уничтожения полового влечения и монархический мессианизм. Секта, активно действовавшая при жизни ее основателя К. Селиванова, в рассматриваемый период была уделом небольших групп фанатиков.

Автором установлено существование в губернии и специфических сект («прыгунов» в Аткарском и «топунов» в Саратовском уезде⁹), в учении которых, а преимущественно в особенностях проведения религиозных собраний, прослеживается сходство с хлыстами.

Достоверно установить численность хлыстов и скопцов не представляется возможным. В документах Центрального и Саратовского губернского статистических комитетов, отчетах губернаторов и епископов отмечено минимальное количество (12 чел. в 1868 г., 7 – в 1904 г.¹⁰) или отсутствие их последователей в губернии. В то же время установленные автором на базе рапортов полицейских исправников и священников и представленные выше сведения по отдельным местностям свидетельствуют о том, что данные секты существовали и даже в конце XIX в. привлекали новых сторонников.

Наиболее многочисленной в губернии была секта молокан-воскресников. Имея идеологическое и организационное сходство с духоборчеством (признавали только духовное поклонение Богу, непримиримо относились к государству, выработали свой социальный идеал, основанный на общности имущества), молокане признавали Св. Писание источником вероучения. Распространению молоканства в регионе способствовало существование в Поволжье двух крупных общин. Одна была образована основателем молоканства С. Уклейном в конце XVIII в. в Астраханском крае на р. Ахтубе в с. Пришиб; другая – в 1830-е гг. на р. Ирғиз в Саратовской губернии на развалинах старообрядческих монастырей.

Еще в 1790-х гг. молокане появились в Саратове. Самое многочисленное в губернии молоканское поселение находилось в Балашовском уезде. В 1868 г. в Балашове насчитывалось 138 молокан, в уезде – 2 172 чел. К 1892 г. их численность увеличилась до 364 чел. и более 5 тыс. чел. соответственно¹¹. Значительное число сектантов проживало в селах Б. Карай, Рюмино, Чернавки. Жители последнего (30 чел.) в 1863 г. открыто объявили себя молоканами-воскресниками на основании того, что отцы их «издавна были молоканами» и сами они считались православными и исполняли христианские обряды только потому, что «находились в крепостном праве»¹².

В Аткарском уезде выявлено существование молоканских общин в селах Березовка, Вязовка, Судачье, Елань. Распространено данное учение было в Дубовке (520 молокан-воскресников в 1893 г.)¹³. Автором установлено их появление в рассматриваемый период в Камышинском (468 чел. в 1878 г.¹⁴) и Кузнецком уездах. В последнем сектанты действовали в селах Шаткино (119 чел.) и Кулясовка (24 чел.). Молокане общей численностью более 100 чел. (в 1892 г.) проживали также в селах Пылково, Верхозим, Чунаки, Мачкасы Петровского уезда¹⁵. В Сердобском уезде они были лишь в с. Согласовка (91 чел. в 1870 г.)¹⁶. Новые секты «духовников» и «перерожденцев» с аналогичным молоканскому учением в 1880-е гг. отделились от беспоповцев в селах Ключи, Сосновка, Лопуховка, Терса и Верхняя Чернавка Вольского уезда¹⁷.

В ходе исследования установлено увеличение числа последователей молоканской секты в губернии в рассматриваемый период (с 4 722 чел. в 1868 г. до 7 460 чел. в 1904 г.¹⁸). Наличие в ее идеологии коммунистических идей, на наш взгляд, обуславливало неослабевающую популярность молоканского учения в период развития аграрного капитализма и дифференциации крестьянства, особенно в Балашовском и Аткарском уездах, где данные процессы развивались особенно активно. Однако крупных общин, подобных существовавшим в первой половине XIX в., в рассматриваемое время создано не было. К тому же к концу века нарастала тенденция перехода молокан в штундизм и баптизм.

Особенностью в развитии сектантства в России, и в Саратовской губернии в частности, было появление нового вида евангелического христианства – штундизма, с развитой социальной доктриной (в основе справедливого устройства жизни лежит труд, любовь, общность имущества и отсутствие частной собственности). Исходя из того, что штундисты «не признают никаких властей и восстают против присяги и военной службы», «проповедуют социалистические принципы» и в целом их учение «подрывает в корне основные начала православной веры и русской народности», Синод и МВД в 1894 г. признали «секту штунд одной из наиболее опасных и вредных в церковном и государственном отношении» и запретили их молитвенные собрания¹⁹.

В Саратовской губернии штундизм (секта Новых Братьев и Сестер) появился в 1850-х гг. в Камышинском уезде в результате

пропаганды книготорговцев из колоний Бессарабской губернии и стал активно распространяться среди немецкого, а затем и русского населения. В 1871 г. насчитывалось 2 320 штундистов, обращавшихся в МВД с просьбой о разрешении им выделиться из протестантских приходов и образовать особое религиозное общество. Руководителями секты в 1870–1880-х гг. были И. Гагельганц из колонии Поповка, Я. Краус из Гололобовки, А. Конради из Карамышевки, В. Вебер из Ключей и др.²⁰ Из Камышинского штундизм проник в Саратовский уезд: в 1860-е гг. – в колонию Побочную, в 1886 г. – в Скатовку. Проповедниками нового учения среди немцев Ягодно-Полянской волости были некто Штеркен и Лагниц.

Протестантская секта баптистов, появившаяся в России с 1870-х гг., получила распространение и в Саратовской губернии. Отличительные черты ее учения состояли в признании Св. Писания единственным источником вероучения и отрицании крещения детей. Автором установлено существование общин баптистов преимущественно среди немецкого населения Сосновской, Усть-Кулалинской и Норкской волостей Камышинского уезда. Духовными наставниками баптистов здесь были В. Вебер, Г. Гусман, Г. Вагнер, а общественные богослужения проходили в частных домах в колониях Карамышевка, Гололобовка, Ключи, Верхняя и Нижняя Добринка, Усть-Кулалинка. Еще одна община, возглавляемая Г. Гуссманом, действовала в Царицыне²¹. Общая численность последователей секты в губернии, по данным переписи 1897 г., составляла 307 чел., из них 264 чел. сосредоточивались в Камышинском, 27 – в Царицынском и 16 – в Саратовском уездах²².

Комплексный анализ материалов ряда архивных фондов показал, что в конце XIX в. из Камышинского и Саратовского уездов, а также из Самарской и Астраханской губерний штундизм и баптизм стали быстро распространяться по всей губернии. В результате только по официальным данным в 1904 г. здесь насчитывалось 1 166 последователей этих сект²³. Следовательно, особенностью развития штундизма и баптизма являлись быстрые темпы их распространения, причем преимущественно среди немецкого населения. Их популярность была обусловлена ухудшением материального и правового положения немцев.

Особой конфессиональной группой в губернии была протестантская секта гернгутеров. Они исповедовали основные истины лютеранской религии и сосредоточивали основное свое внимание не на догматах веры, а на нравственно-практической стороне христианства. Члены «Евангелической братской общины» (50 чел.) переселились сюда из Гернгута, основав в 1765 г. колонию Сарепта и создав независимое религиозное общество. К 1880 г. их число увеличилось до 500 чел. Однако в 1890-е гг. гернгутеры добровольно присоединились к Евангелическо-лютеранской церкви России²⁴.

Еще одна протестантская секта, «Адвентисты седьмого дня», получившая распространение в России с 1890-х гг., была известна и в губернии. Однако адвентизм не получил здесь широкого распространения. Согласно выявленному автором сведениям, в 1904 г. было лишь 2 его последователя²⁵.

Особенностью сектантства губернии было развитие среди русского населения южных уездов учения субботников, основанного на Ветхом Завете. Сектанты практиковали обрезание по иудейскому обряду, в богослужебной практике пользовались древнееврейскими молитвами, переведенными на русский язык, не ели свинину и рыбу без чешуи, отдыхали в субботу. Основным центром распространения секты был п. Дубовка. Здесь действовала крупная община, возглавляемая Е. Сундуковым. В 1893 г. ее численность составляла 598 чел.²⁶ В с. Балыклей Царицынского уезда субботники, во главе с К. Ф. Колебошиным, поселились еще в конце XVIII в.²⁷ Многочисленные попытки местных властей присоединить сектантов к православию в первой половине XIX в. не увенчались успехом. Автором установлено появление данного учения в Камышинском и Балашовском уездах. Так, в с. Б. Грязнуха в 1854 г. из 2 857 жителей 311 были субботниками²⁸.

Данные о численности субботников в губернии противоречивы. Однако с учетом т. н. «русских караимов», которых местные власти относили к субботникам, прослеживается увеличение числа последователей секты (с 1 136 чел. в 1868 г. до 1 670 чел. в 1904 г.). Отметим, что особенностью субботничества в губернии была незначительная территория распространения. Интересно, что данное учение появилось в Царицынском уезде раньше, чем сложилась еврейская диаспора. Следовательно, зарождение

секты не было результатом иудейской пропаганды, хотя последующее влияние вряд ли следует отрицать.

Автором установлено существование в Саратове иудейской секты хасидов, к которой в 1873 г. принадлежало несколько еврейских семейств²⁹.

Разнообразие сектантских учений в губернии дополнялось появлением в конце XIX в. локальных сект. Это прежде всего секта «еноховцев», получившая распространение в Царицынском уезде, возрождавшая эсхатологические ожидания и имевшая нечто общее с сектантскими организациями периода церковного раскола³⁰. А также секта «отреченцев» (с. Шемышейка Кузнецкого и с. Чиндясы Петровского уезда), мало походившая на религиозные организации и имевшая антимонархические и антигосударственные настроения. Отреченцы не признавали властей, отказывались давать присягу и торжественное обещание императору Николаю II, считая их «душевредными», так как повиноваться во всем можно только Богу, а не человеку³¹. В 1897–1901 гг. в Царицыне и Дубовке велась пропаганда идей Л. Н. Толстого. Толстовцы были немногочисленны и находились под надзором полиции³².

Сектантские общины в губернии представляли собой небольшие по численности объединения последователей определенно религиозного учения. В силу своего нелегального положения (за исключением баптистов и гернгутеров) свои молитвенные собрания они проводили в частных домах в основном на задворках и тщательно скрывали их. В большинстве случаев сектанты жили совместно с православными и в повседневной жизни мало отличались от них. В то же время отношение окружающего населения к сектантам было, как правило, негативным. Так, из отчета Преосвященного Иоанникия за 1871 г. следует, что «народ не любит» хлыстов и опасается, «как бы они не совратили в свою секту детей их»³³. В целом анализ архивных материалов показал, что доносительство на сектантов со стороны односельчан было достаточно распространенным явлением.

Таким образом, сектантству Саратовской губернии во второй половине XIX – начале XX в. были присущи следующие особенности. Данное религиозно-реформационное движение не было массовым и повсеместным. Сектанты составляли в среднем лишь

0,3–0,4% населения, и в губернии четко выделялись территории сосредоточения отдельных учений. В то же время установлено значительное разнообразие представленных сект (здесь получили распространение большинство известных в России и ряд специфических учений), а также двукратное увеличение численности сектантов (с 5 272 чел. в 1865 г. до 10 575 чел. в 1904 г.), что свидетельствует о росте популярности движения. Отметим, что наряду с великорусскими сектантскими учениями были распространены среди немецкого и в меньшей степени среди еврейского населения губернии.

Особенностью рассматриваемого периода было появление и значительное распространение новых рационалистических сект: штундизма и баптизма, инкорпорировавших часть молокан и протестантов. Наряду с ними продолжали активную деятельность традиционные секты хлыстов, субботников и молокан. К тому же в конце XIX в. возникли новые локальные секты различной направленности, в том числе имевшие антимонархические и антигосударственные настроения. Их популярность свидетельствует о социальной нестабильности в регионе.

Примечания

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XXXVIII. Саратовская губерния / Под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб., 1904. – С. 78–81. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Saratovskaya guberniya. Pod red. N. A. Troinitskogo* [TROINITSKII, N. A. (ed.) The First General Census of the population in the Russian Empire of 1897. Vol. 38: Saratov gubernia. In Russ.]. St. Petersburg, 1904, pp. 78–81.

² *Минх, А. Н.* Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии: собраны в 1861 – 1888 гг. – Репр. воспроизведение изд. 1890 г. – Саратов, 1994. MINKH, A. N. *Narodnye obychai, sueveriya, predrassudki i obryady krest'yan Saratovskoi gubernii: sobrany v 1861–1888 gg. Repr. vosproizvedenie izd. 1890 g.* [Folk customs, superstitions, prejudices and rituals of the Saratov gubernia peasants: Collected in 1861–1888. Reprint of the 1890 edition. In Russ.]. Saratov, 1994; *Минх, А. Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1. – Саратов: Тип. Губ. земства, 1901. MINKH, A. N. *Istoriko-geograficheskii slovar' Saratovskoi gubernii.* [Historical and geographical dictionary of the Saratov gubernia. In Russ.]. Vol. 1. Saratov, Tipografia Gubernskogo zemstva publ., 1901.

³ *Редькина, О. Ю.* Старое русское сектантство на Нижней Волге и Дону в XVIII – XX вв. // Геоэкономические и этнокультурные особенности хозяйствен-

ного развития Прикаспия и Приазовья в XVIII – XX веках: сб. науч. ст. – Волгоград, 1999. – С. 117–131. RED’KINA, O. Yu. *Staroe russkoe sektantstvo na Nizhnei Volge i Donu v XVIII – XX vv.* [Old Russian sectarianism in the Lower Volga and Don regions in the 18th – 20th century. In Russ.]. IN: *Geoekonomicheskie i etnokulturnye osobennosti hozyaystvennogo razvitiya Prikaspiya i Priazov’ya v XVIII – XX vekakh: sb. nauch. st.* [Geo-economic and ethno-cultural peculiarities of economic development of the Caspian sea and the Azov sea regions in the 18th – 20th century: Collected articles. In Russ.]. Volgograd, 1999, pp. 117–131.

⁴ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 135. Оп. 1. Д. 4085. Л. 6. *Gosudarstvennyi arkhiv Saratovskoi oblasti* [State Archive of the Saratov Region] (GASO), fond 135, series 1, file 4085, p. 6.

⁵ Минх, А. Н. Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии: собраны в 1861–1888 гг. – Репр. воспроизведение изд. 1890 г. – Саратов, 1994. – С. 140–145. MINKH, A. N., 1994, pp. 140–145.

⁶ ГАСО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 268. Л. 2. GASO, fond 10, series 1, file 268, p. 2.

⁷ Там же. Ф. 135. Оп. 1. Д. 4087. Л. 2. Ibid., fond 135, series 1, file 4087, p. 2.

⁸ Никольский, Н. М. История русской церкви. – М., 1985. – С. 358. NIKOL’SKIИ, N. M. *Istoriya russkoi tserkvi* [The history of the Russian Church. In Russ.]. Moscow, 1985, p. 358.

⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1901. Л. 2–3. GASO, fond 1, series 1, file 1901, pp. 2–3.

¹⁰ Подсчитано по: Статистические сведения о сектантах (К 1 января 1912 г.). – СПб.: Изд. Департамента Духовных Дел МВД. – С. 7–56. Calculations based on: *Statisticheskie svedeniya o sektantakh (K 1 yanvarya 1912 g.)* [Statistical information on sectarians: By January 1, 1912. In Russ.]. St. Petersburg, Izd. Departamenta Duhovnykh Del MVD publ., pp. 7–56.

¹¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 1415. Л. 40. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive] (RGIA), fond 796, series 442, file 1415, p. 40.

¹² ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 2983. Л. 2. GASO, fond 135, series 1, file 2983, p. 2.

¹³ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7294. Л. 12. Ibid., fond 2, series 1, file 7294, p. 12.

¹⁴ Там же. Ф. 421. Оп. 1. Д. 295. Л. 22. Ibid., fond 421, series 1, file 295, p. 22.

¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1415. Л. 41. RGIA, fond 796, series 442, file 1415, p. 41.

¹⁶ ГАСО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 264. Л. 3. GASO, fond 421, series 1, file 264, p. 3.

¹⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6951. Л. 7. Ibid., fond 2, series 1, file 6951, p. 7.

¹⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1901. Л. 23. Ibid., fond 1, series 1, file 1901, p. 23; Статистические сведения о сектантах (К 1 января 1912 г.). – СПб. – С. 7–56. *Statisticheskie svedeniya o sektantakh (K 1 yanvarya 1912 g.)* [Statistical information on sectarians: To January 1, 1912. In Russ.]. St. Petersburg, Izd. Departamenta Duhovnykh Del MVD publ., pp. 7–56.

¹⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 985. Л. 33. RGIA, fond 821, series 5, file 985, p. 33.

²⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2429. Л. 4. GASO, fond 1, series 1, file 2429, p. 4.

²¹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8552. Л. 1–5. Ibid., fond 2, series 1, file 8552, pp. 1–5.

²² Первая всеобщая перепись населения ... – С. 77. TROINITSKIИ, N. A., 1904, p. 77.

²³ Статистические сведения о сектантах ... – С. 16. *Statisticheskie svedeniya o sektantakh*, p. 16.

²⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 1031. Л. 4–12. RGIA, fond 821, series 5, file 1031, pp. 4–12.

²⁵ Статистические сведения о сектантах ... – С. 25. *Statisticheskie svedeniya o sektantakh*, p. 25; ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 4492. Л. 3. GASO, fond 135, series 1, file 4492, p. 3.

²⁶ ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7294. Л. 12. GASO, fond 2, series 1, file 7294, p. 12.

²⁷ Редькина, О. Ю. Старое русское сектантство на Нижней Волге и Дону в XVIII–XX вв. // Геоэкономические и этнокультурные особенности хозяйственного развития Прикаспия и Приазовья в XVIII–XX веках: сб. науч. ст. – Волгоград, 1999. – С. 124. RED’KINA, O. Yu., 1999, p.124.

²⁸ ГАСО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 7100. Л. 64. GASO, fond 421, series 1, file 7100, p. 64.

²⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 15. Л. 23. RGIA, fond 821, series 8, file 15, p. 23; Там же. Д. 331. Л. 66, 77. Ibid., file 331, pp. 66, 77.

³⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10232. Л. 175. GASO, fond 1, series 1, file 10232, p. 175.

³¹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7352. Л. 1. Ibid., fond 2, series 1, file 7352, p. 1.

³² Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке: сб. документов и материалов: каталог культовых зданий / Сост. О. Ю. Редькина, Т. А. Савина. Под ред. М. М. Загорулько. – Волгоград: Издатель, 2002. – С. 81. *Gosudarstvo i religioznye organizatsii Nizhnei Volgi i Dona v XX veke: sb. dokumentov i materialov: katalog kul’tovykh zdaniy. Sost. O. Ju. Red’kina, T. A. Savina; pod red. M.M. Zagorul’ko* [REDKINA, O. YU., SAVINA, T. A. (comp.), ZAGORUL’KO, M. M. (ed.). State and religious organizations of the Lower Volga and Don regions in the 20th century: Collected documents and materials: Directory of religious buildings]. Volgograd, Izdatel’ publ., 2002, p. 81.

³³ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 445. Л. 9. RGIA, fond 796, series 442, file 445, p. 9.

Список литературы

Геоэкономические и этнокультурные особенности хозяйственного развития Прикаспия и Приазовья в XVIII–XX веках: сб. науч. ст. – Волгоград, 1999. – 142 с.

Минх, А. Н. Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии: собраны в 1861–1888 гг. Репр. воспроизведение изд. 1890 г. – Саратов, 1994. – 154 с.

Никольский, Н. М. История русской церкви. – М., 1985. – 448 с.

Редькина, О. Ю. Старое русское сектантство на Нижней Волге и Дону в XVIII–XX вв. // Геоэкономические и этнокультурные особенности хозяйственного развития Прикаспия и Приазовья в XVIII–XX веках: сб. науч. ст. – Волгоград, 1999. – С. 117–131.

References

Geoekonomicheskie i etnokul'turnye osobennosti hozyaistvennogo razvitiya Prikaspiya i Priazov'ya v XVIII – XX vekakh: sb. nauch. st. [Geo-economic and ethno-cultural peculiarities of economic development of the Caspian sea and the Azov sea regions in the 18th – 20th century: Collected articles. In Russ.]. Volgograd, 1999, 142 p.

MINKH, A. N. *Narodnye obychai, sueveriya, predrassudki i obryady krest'yan Saratovskoi gubernii: sobrany v 1861–1888 gg. Repr. vosproizvedenie izd. 1890 g.* [Folk customs, superstitions, prejudices and rituals of the Saratov gubernia peasants: Collected in 1861–1888. Reprint of the 1890 edition. In Russ.]. Saratov, 1994, 154 p.

NIKOL'SKII, N. M. *Istoriya russkoi tserkvi* [The history of the Russian Church. In Russ.]. Moscow, 1985, 448 p.

RED'KINA, O. YU. *Staroe russkoe sektantstvo na Nizhnei Volge i Donu v XVIII – XX vv.* [Old Russian sectarianism in the Lower Volga and Don regions in the 18th – 20th century. In Russ.]. IN: *Geoekonomicheskie i etnokul'turnye osobennosti hozyaistvennogo razvitiya Prikaspiya i Priazov'ya v XVIII – XX vekakh: sb. nauch. st.* [Geo-economic and ethno-cultural peculiarities of economic development of the Caspian sea and the Azov sea regions in the 18th – 20th century: Collected articles. In Russ.]. Volgograd, 1999, pp. 117–131.

Сведения об авторах

Давыдова Марина Юрьевна, кандидат исторических наук, Волгоградский государственный технический университет, институт архитектуры и строительства, кафедра философии, социологии и психологии, доцент, г. Волгоград, Российская Федерация, 8-960-871-24-73, saamu@rambler.ru

About author

Davydova Marina Yurievna, PhD in History, Volgograd State Technical University, Institute of Architecture and Civil Engineering, philosophy, sociology and psychology department, associate professor, Volgograd, Russian Federation, +7-960-871-24-73, saamu@rambler.ru

В редакцию статья поступила 14.02.2017 г., опубликована:

Давыдова, М. Ю. Сектантские религиозно-реформационные учения в Саратовской губернии Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник архивиста. – 2017. – № 4. – С. 194–208.

Submitted 14.02.2017, published:

DAVYDOVA, M. YU. *Sektantskie religiozno-reformatsionnye ucheniya v Saratovskoi gubernii Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Sectarian religious reformation teachings in the Saratov gubernia of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th century. In Russ.]. *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2017, no. 4, pp. 194–208.

УДК 94(470).281.93

DOI 10.28995/2073-0101-2017-4-209-222

Е. Ю. Нуйкина

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация

Законодательные инициативы советской власти в области религиозной политики. 1917–1920-е гг.

Elena Yu. Nuykina

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation

Legislative Initiatives of the Soviet Power in the Field of Religious Policy: 1917–1920s

Аннотация

В статье анализируются первые декреты советской власти, заложившие основы религиозной политики, направленной против Русской Православной церкви (РПЦ). Принятый в 1918 г. Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» объявил все церковное имущество народным достоянием и передал его в непосредственное ведение местных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов. Церковью декрет был воспринят как акт открытого против нее гонения. Население также отрицательно восприняло названный декрет: во многих городах состоялись собрания верующих, а также многочисленные крестные ходы в защиту Церкви, некоторые из которых (как, например, в Туле и Омске) были расстреляны красногвардейцами. Несмотря на протесты церковных иерархов и населения, наступление со стороны власти усиливалось. В августе 1918 г. было издано постановление Народного комиссариата юстиции (НКЮ) «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», которое подробно разъясняло процедуру передачи церковного имущества от местных Советов верующим. Имущество, которое не было предназначено для богослужбных целей, незамедлительно отбиралось, как и капиталы бывших вероисповедных ведомств и церковных или религиозных обществ. Согласно постановлению, на изъятие капиталов отводился двухнедельный срок. Однако на практике этот процесс растянулся на несколько лет. Поводом к следующему